

Е. Ю. Куликова
Новосибирск, Россия

МОРСКОЙ ТОПОС В «АФРИКАНСКОМ ДНЕВНИКЕ» Н. ГУМИЛЕВА¹

Аннотация. В статье рассматривается морское пространство в «Африканском дневнике» Н. Гумилева, подчеркивается, что образ Африки часто описывается поэтом через водные метафоры: это создает эффект двойственного топоса, совмещающего в себе различные стихии.

Ключевые слова: мотив, пространство, Африка, морской топос.

Ye. Yu. Kulikova
Novosibirsk, Russia

SEA TOPOS IN THE “AFRICAN DIARY” OF N. GUMILEV

Abstract. The article deals with the sea space in the “African diary” of N. Gumilev. It is emphasized that the author often described the image of Africa through metaphor of the water, it creates the effect of the dual of a topos, combining different elements.

Keywords: motif, space, Africa, sea topos.

Морские мотивы пронизывают текст гумилевского «Африканского дневника» (1913), представляющего собой ряд путевых заметок «странствующего поэта»: четыре его главы – точно «введение» к основной части, внезапно оборванное перед собственно самим африканским путешествием. «Африканский дневник» (далее «АД» – Е. К.) состоит из ряда очерков, воссоздающих впечатления Гумилева на определенном отрезке пути, и предыстории поездки. Нас будет интересовать введение водного топоса в «сухое», словно пропитанное жаром, пространство Африки, мы проанализируем образы и мотивы Красного моря, южной ночи, летучих рыб, «бесчисленных звезд» и т.п., а также укажем на переклички с другими текстами Гумилева, стихотворениями Е. Боратынского, А. Блока, А. Рембо.

Первый *лирический пейзаж* возникает во время путешествия на пароходе по Черному морю. Это описание можно сравнить со строками «Пятистопных ямбов» (1912–1915):

Волны мягко раздавались под напором парохода, где *рылся, пульсируя, как сердце работающего человека, невидимый винт...* ... Наступила ночь, первая на море, священная².

«АД»

Я помню ночь, как черную наяду,
В морях под знаком Южного Креста.
Я плыл на юг; могучих волн громаду
Взрывали мощно лопасти винта,
И встречные суда, очей отраду,
Брала почти мгновенно *темнота*.

«Пятистопные ямбы»

Винт, его лопасти, «*взрывающие* волны» – повторяющийся момент в обоих текстах. Это важно

для Гумилева–путешественника: движение по морю наполнено энергией, пароход преодолевает силу волн, напоминая не то «*роющеюся*» зверя, не то «*работающего человека*». В «АД» используется глагол «*рылся*», в стихотворении – «*взрывали*», их происхождение, а также вся мотивно-образная система рассматриваемых отрывков, полагаем, идет от «Пироскафа» Е. Боратынского:

Дикою, грозною ласкою полны,
Бьют в наш корабль средиземные волны.
Вот над кормою стал капитан:
Визгнул свисток его. Братствуя с паром,
Ветру наш парус раздался недаром:
Пенясь, глубоко вздохнул океан!

Мчимся. Колеса могучей машины
Роют волнистое лоно пучины.
Парус надулся. Берег исчез.
Наедине мы с морскими волнами;
Только что чайка вьется за нами
Белая, рея меж вод и небес.

«Пироскаф» – стихотворение, в котором морское путешествие поэта XIX в. как будто отзывается веком XX: «Элизий земной» и «башни Ливурны» соседствуют с «колесами могучей машины», а парус «братствует с паром». Глагол «роют» практически дублирован в «АД» («рылся, пульсируя, как сердце работающего человека, невидимый винт») и несколько семантически видоизменен у Гумилева («Взрывали мощно лопасти винта»), однако все равно оказывается созвучным глаголу Боратынского благодаря игре звуков. В первой строфе «Пятистопных ямбов» вибрант «р», использованный 8 раз («*черную*», «*морях*», «*Креста*», «*громаду*», «*взрывали*», «*встречные*», «*отраду*», «*брала*»), и ассонанс на «о» (6 раз: «*помню*», «*ночь*», «*чёрную*», «*волн*», «*мощно*», «*лопасти*»), отзываясь на первые две строфы Боратынского, где 15 раз проигрывается «р» («*грозною*», «*корабль*», «*средиземные*», «*кормою*», «*братствуя*», «*паром*», «*ветру*», «*парус*», «*раздался*», «*недаром*», «*роют*», «*парус*», «*берег*», «*морскими*»,

¹ Статья написана в рамках интеграционного проекта СО РАН «“Эволюция повествовательных жанров в русской литературе: от Средневековья к Новому времени” (направление 5 Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 33)».

² Здесь и далее курсив в цитируемых текстах наш – Е. К.

«рея») и 12 – «о» («грозною», «полны», «волны», «вот», «свисток», «глубоко», «колеса», «проют», «лоно», «только», «вьётся», «вод»), создают динамический эффект мощного движения парохода по морю. Можно увидеть, как преодоление и освоение пространства в стихотворении Гумилева – вслед за «Пироскафом» Боратынского – происходит и на фонетическом уровне.

Подчеркнутое Боратынским, в противоположность твердой земле, *изгибающееся* морское пространство («*Бьют* в наш корабль средиземные волны»; «*волнистое лоно* пучины») у Гумилева оказывается *мягким*, хотя и *могучим*, но покорно расступаящимся перед «взрывным» движением парохода³. Это и есть поэтическая доминанта Гумилева, его динамический порыв – к новым дорогам, новым завоеваниям и победам. Если Боратынский представляет *колеса* корабля, то Гумилев использует слово *винт*, характерное для поэзии серебряного века, его неоднократно употребляет, например, А. Блок (см.: «В неуверенном, зыбком полете...» – 1910 г., «Авиатор» – 1910-1921 гг.). В сборнике «Шатер» слово *винт* встречается дважды: в стихотворениях «Красное море» («Как учитель среди шулунов, иногда / Океанский проходит среди них пароход, / Под винтом снеговая клокочет вода») и «Нигер» («И винты пароходов твои крокодилы / Разбивают могучим ударом хвоста»). Винт у Гумилева воплощает собой сердце парохода, как у Блока – сердце аэроплана.

Еще одно море предстает перед читателем в «АД» – Красное море. Многие мотивы и образы этого отрывка отзываются в текстах Гумилева, можно отметить наибольшее количество переключек с одноименным стихотворением:

Самое жаркое из всех морей, оно представляет картину грозную и прекрасную. Вода как зеркало отражает почти отвесные лучи солнца, точно сверху и снизу расплавленное серебро. Рябит в глазах, и кружится голова... Подойдя к борту, можно видеть и воду, бледно-синюю, как глаза убийцы. Оттуда временами выскакивают, пугая неожиданностью, странные *летучие рыбы*. Ночь еще более чудесна и зловеща. Южный Крест как-то боком висит на небе, которое, словно пораженное дивной болезнью, покрыто *золотистой сыпью других бесчисленных звезд*... В пене, оставляемой пароходом, мелькают беловатые искры — это *морское свеченье*.

«АД»

Целый день над водой, словно стая стрекоз,
Золотые летучие рыбы видны,
У песчаных, серпами изогнутых кос,
Мели, точно цветы, зелены и красны.

Блещет воздух, налитый прозрачным огнем,
Солнце сказочной птицей глядит с высоты:
«Море, Красное Море, ты *царственно* днем,
Но ночами вдвойне ослепительно ты!..

... Нам *чужие созвездья*, кресты, топоры
Над тобой загорятся в *небесных садах*.

И огнями бенгальскими сразу мерцать
Начинают твои колдовские струи,
Искры в них и лучи, словно хочешь создать,
Позавидовав небу, ты *звезды свои*.

«Красное море»

«Грозная и прекрасная картина» моря в поэтическом тексте превращается в характеристику: «Море, Красное море, ты *царственно* днем». В «АД» есть объяснение этому: «Вода как зеркало отражает почти отвесные лучи солнца, точно сверху и снизу расплавленное серебро». Вообще, Красное море видится Гумилеву как царство жидкого и сверкающего серебра, хрустала («Пусть волна как хрустальная встанет гора», «Блещет воздух, налитый прозрачным огнем»), поющего, подобно «эоловой арфе».

Пространство Африки в «Шатре» Гумилев описывает через водные метафоры. Кипящее Красное море выводит топос за рамки традиционного морского мира: «акуля уха, / Негритянская ванна, песчаный котел!». Самое «горячее» море в мире в поэтической трактовке Гумилева буквально «варится», как суп, между африканским и аравийским берегами. Ураган и волны лишь приносят свежесть, а образы, перекликающиеся с образами «Пьяного корабля» А. Рембо, включают в себя широкую цветовую палитру.

...rythmes lents sous les rutillements du jour⁴...
...Je sais les cieus crevant en éclairs⁵...
...J'ai vu le soleil bas, taché d'horreurs mystiques⁶...
...J'aurais voulu montrer aux enfants ces dorades
Du flot bleu, ces poissons d'or, ces poissons chantants⁷...
...Est-ce en ces nuits sans fond que tu dors et t'exiles,
Millions d'oiseaux d'or, ô future Vigueur?⁸

(«Le bateau ivre»)

Солнце над Красным морем у Гумилева напоминает сказочную птицу, подобно тому, как будущее у Рембо сравнивается с миллионом золотых птиц, над волной скользят золотые рыбки – летучие у Гумилева, поющие у Рембо, и совершенно особенным выгладит сияние небес над первозаданным морским простором. Летучие рыбы упоминаются и в «АД», они «странные», так как неожиданно выскакивают из воды, «бледно-синей, как глаза убийцы». Видимо, когда Гумилев писал дневник, у него возникла невольная ассоциация с внезапным ударом, наносимым убийцей, его холодными глазами, водой Красного моря и взлетающими над ней рыбами, движение которых поэтому приняло «пугающий» оттенок.

Можно отметить еще одну отсылку «АД» к стихотворению Рембо. После рассказа об охоте на акулу в Красном море, Гумилев останавливается на сложных красках заката: «Закат в этот вечер над

⁴ ...медленные ритмы в сиянии дня... (Здесь и далее подстрочник из «Пьяного корабля» Рембо наш – Е. К.).

⁵ Я знаю пронзенные светом небеса...

⁶ Я увидел заходящее солнце, в пятнах мистического ужаса...

⁷ Я хотел бы показать детям этих дорад
Из голубой волны, этих золотых рыбок, рыб поющих...

⁸ Не во время ли этих бездонных ночей ты дремлешь и иходишь,

Подобно миллиону золотых птиц, о ты, будущая мощь?

³ В «Пироскафе» волны «*дикую, грозную ласкою полны*».

зелеными мелями Джидды был широкий и ярко-желтый с алым пятном солнца посередине. Потом он стал нежно-пепельным, потом зеленоватым, точно море отразилось в небе». Переход алого пятна в нежно-пепельный оттенок соотносится с импрессионистическими переливами закатов/рассветов в «Пьяном корабле» Рембо: «Je sais le soir, / L'Aube exaltée ainsi qu'un peuple de colombes»⁹. Рембо совмещает в одном образе пылающий, но не названный прямо *алый*, и так же латентно проступающий *пепельный* – цвет крыльев голубок. В дневнике Гумилева выделены оба прилагательных. Колористические игры Рембо касаются более рассветов, чем закатов (оставшихся в предыдущей строке), а Гумилев как раз акцентирует внимание на заходящем солнце. Так реминисценция становится неотчетливой, почти специально смазанной, но тем самым финал первой главы путешествия приобретает поистине поэтические черты.

Ночь в «АД» и ночь в стихотворении «Красное море» описывается полной сияния и колдовства (в дневнике она «зловеща» – в поэтическом тексте воды моря превращаются в «колдовские струи»). «Другие» («АД»), «чужие» («Красное море») звезды все окрашивают в золотистые цвета, освещают «бенгальскими огнями», «искрами» и «лучами».

Наблюдая за утесами, Гумилев делает характерные сравнения – характерные потому, что в «Сентиментальном путешествии» при упоминании

Принцевых островов (находящихся в Мраморном море) возникает разбивающая статуарность и неподвижность камня аналогия с гривой льва:

Вот, как рыжая грива льва,
Поднялись три большие скалы –
Это Принцевы острова
Выступают из синей мглы.

Однако и утесы Красного моря рождают подобный образ: «Острова, крутые голые утесы, разбросанные там и сям, похожи на еще неведомых африканских чудовищ. Особенно один совсем лев, приготовившийся к прыжку, кажется, что видишь гриву и вытянутую морду». Сопоставления скал с гривой льва и его движениями, кораблей – с караваном верблюдов, глаз девушки – с газелью и т.д. – яркие черты поэтики Гумилева, использующего экзотические образы еще в ранних сборниках стихов.

Два моря в «АД» – Черное и Красное выполняют важную композиционную функцию: они открывают новый ракурс африканского локуса, превращая жаркий южный континент в романтическое пространство, привлекающее путешественника. Особая черта Гумилева – любовь к экзотическим странам – сочеталась в нем с любовью к морским странствиям, и в описании Африки поэт сближает свои «пламенные страсти», открывая читателю двойственный топос, совмещающий различные стихии.

Данные об авторе:

Елена Юрьевна Куликова – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН.
Адрес: 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8.
E-mail: kulis@mail.ru

About the author:

Yelena Yurievna Kulikova is a Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of Literary Studies Section of Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk).

⁹ «Я знаю как закаты, / Так и пылающие рассветы, похожие на стаю голубок».